

LITERATUROZNAWSTWO

SERGEY TROITSKIY

Городское пространство как поле мемориальных боев¹

Urban space as a memorial battlefield

Abstract. In the proposed article, the author focuses on one of the complexes that make up the content of confrontations, namely the memorial complex, realised through the politics of memory on the part of the state, sometimes on the part of individual institutions of civil society. Historical memory is one of the instruments of influence, sometimes even more effective than solutions aimed at modernity. Memory politics is linked to constructing the past, which is actually alienated from the bearers of this past in order to influence (alienate) the present. The present is re-constructed through the politics of memory. Not surprisingly, it is on the memorial front that the fiercest battles for the present are fought. The confrontation between different collective actors, bearers of different memorial constructs, often turns into a “hot” phase, into a direct clash. Therefore, the phrase “memorial battles” in the title is not so much a literary metaphor as a description. The urban environment, due to its multiculturalism, is a space of confrontation between memorials, which is reflected in the urban landscape. This article considers two main tendencies, seemingly opposite, but in fact being different ways of realising one process – the construction of the history of the past. The text shows that these two tendencies are the construction of memory and cultural displacement.

Keywords: memorial wars, urban space, places of memory, construct

Sergey Troitskiy, Estonian Literary Museum, Tartu – Estonia, sergei.troitskii@folklore.ee, <https://orcid.org/0000-0002-2663-3629>

Самое сложное в исследованиях, которые касаются войны и проводятся во время войны, – это сохранять бесстрастность. В статье постараюсь это сделать, хотя материал, с которым я работаю, слишком „горячий”, вызывает живые эмоции. Не скрывая своей политической позиции, я постараюсь проанализировать современные мемориальные практики максимально нейтрально, используя транснациональный подход к „мемориальным вой-

¹ This research was supported by the project of the Estonian Literary Museum EKM 8-2/20/3.

нам” (Stone, Assman) или „войнам памяти” (Pääbo), обращаясь к кейсам, которые раньше не попадали в поле зрения исследователей, либо исследователи не пытались сравнить их между собой. В статье будут представлены несколько восточноевропейских конфликтных кейсов, каждый пример будет сопровождаться ссылкой на интернет-ресурс, где можно более подробно о нем прочитать. Поскольку практики в рамках политики памяти мало чем отличаются по структуре (отличаются только интерпретацией и содержательным наполнением), я не разбираю их, исходя из принадлежности к культурам, а исследую их по типам практик. Для меня важно показать, как войны памяти, обострившиеся в результате российского полно- масштабного вторжения в Украину и усиления угрозы военного вторжения в страны Балтии, работают здесь и сейчас, игнорируя границы, проводя линию фронта не только между территориями, но и между семантическими „слоями” памяти, где „чужие, нелюбимые режимы” (Dmitrieva 20) становятся объектом выдавливания, вытеснения, выкорчевывания, что приводит к противоположному эффекту – объекты памяти из зоны умолчания и зоны культурного отчуждения оказываются в центре внимания, подвергаются сомнению и дискурсивной трансформации (Steiner, Zelizer; Spurina; Šūpulis; Kõresaar). Структура статьи подчиняется задачам исследования и обусловлена спецификой материала, поэтому отдельный параграф будет содержать описание кейсов, которые в тексте аналитического раздела будут маркироваться номерами.

Данная статья не претендует на то, чтобы исчерпывающе представить факторы, но фокус на конфликтные точки позволяет отметить различие ментальных/вернакулярных вещей/событий, а следовательно, и различие „сетей отношений”. Более того, меня интересуют конкретные конфликты, выстроенные как войны памяти (Pääbo; Miller 2020b), или мемориальные войны (Stone, Assman), насколько, конечно, возможно выделить именно мемориальный ракурс среди множества нефизических (ф)акторов. Я рассматриваю исключительно городскую среду как поле воплощения конфликтных точек, хотя, безусловно, виртуальное пространство и мемориальные битвы там оказывают непосредственное влияние на физическое пространство города (Vahstajn). Особое внимание уделяется странам Балтии, где сложилось фактически два сообщества памяти, национальное и русскоязычное, сосуществующие параллельно, время от времени вступающие в открытое противостояние (Šūpulis; Spurina; Eglitis, Ardava; Zelče 2009; Zelče 2010).

Методология

Вышедшая в 2023 году книга Марины Дмитриевой *Аллотопии. Чужое и Другое в пространстве восточноевропейского города* во многом позволила задать исследовательскую рамку для того многочисленного материала, который был собран мной на протяжении 2022–2023 годов. Несмотря на то, что книга писалась до 24 февраля 2022 года и представляет собой, по меткому замечанию автора, „взгляд из той эпохи, которая безвозвратно ушла”, объяснительная модель, предлагаемая Дмитриевой, демонстрирует свою актуальность и дееспособность для мемориальных процессов после начала полномасштабного вторжения в Украину. Семантическая многоуровневость мест памяти (*lieux de mémoire*, Nora) делает их потенциальным источником мемориальных конфликтов между „режимами давнего и недавнего прошлого” (Dmitrieva 9). Отчасти этот подход развивает идеи о конфликтном характере коллективной памяти, высказанные Барби Зелизер в 1995 году (Steiner, Zelizer), и отлично демонстрируется странами Балтии (Spurina; Kõresaar).

Учитывая, что носителями смыслов/памяти оказываются люди, эмоционально связанные с местом памяти, необходимой рамкой моего исследования является аффективная/эмоциональная география. Физические события и их образы, тем не менее, объединяются в субъекте, его эмоциях/аффектах (Anderson, Smith; Thrift; Thien). События/вещи встроены в человеческое тело настолько, что вызывают физические ощущения от изменения вещей (от переинтерпретации, изменения места в пространстве, разрушения). Тогда акторами становятся не только сами вещи (Latour; Law 1992), события (изменения вещей), коллективные представления о вещах/событиях или „абстрактные” представления (Law 2006; Werlen), но и эмоции (Anderson, Smith). Мы имеем дело здесь с ментальными/вернакулярными событиями или вещами, которые, однако, существуют не только в физическом пространстве, окружающем человека, но и в виртуальном пространстве, являющемся продолжением физического/телесного мира (Clark, Chalmers; McLuhan).

В статье представлены конкретные восточноевропейские кейсы работы с памятью, реализуемой через манипуляции с монументами как напрямую, так и опосредованно. Меня не интересуют здесь другие места памяти или коммеморативные практики, как, например, ритуалы в памятные календарные даты (Eglitis, Ardava). Избранные кейсы подвергаются в статье дискурси и контент-анализу, результатом которых становятся положения для дискуссии, являющиеся своего рода развернутыми выводами.

Материал

Исследование построено на анализе конкретных кейсов, которые, на мой взгляд, представляют тенденции: повторение условий и декларируемых интерпретативных рамок приводит к повторению конкретных мемориальных практик, что позволяет прогнозировать развитие событий по подобным кейсам. В отличие от кейсов, тенденции не привязаны к конкретной локации, а являются трансрегиональными.

Кейсы выбраны случайно, но каждый из них является одним из серии аналогичных. Факт события зафиксирован различными СМИ, ссылка на материал по каждому кейсу приводится. Выбор СМИ обусловлен в том числе и необходимостью использовать разные источники, хотя многие кейсы представлены не только в том источнике, ссылка на который приводится, но и в других тоже. Упоминание конкретного СМИ не означает моего согласия с позицией журналиста, но важно для фиксации факта события. Для удобства чтения ссылки даны на публикации на том же языке, на котором написана статья.

Кейс 1. *Белорусский суд назначает уголовное наказание за надписи в городском (публичном) пространстве.* Минск, Беларусь, август 2022, <https://ru.belsat.eu/81030289/ne-zabyli-ne-prostim-istoriya-devushki-kotoruyu-osudili-za-nadpis-na-asfalte>

Кейс 2. *Эстонский суд назначает наказание за надписи в городском (публичном) пространстве.* Таллинн, Эстония, апрель 2023, <https://rus.postimees.ee/7761589/sud-nakazal-muzhchinu-za-nadpis-putin-vvedi-voyska>

Кейс 3. *Конфликт по поводу желания одного из районов Праги установить памятник солдатам – „власовцам”, освобождавшим Прагу от немецко-фашистской армии.* *Российское МИД выступило с протестом.* Прага, Чехия, декабрь 2019, <https://newtimes.ru/articles/detail/188102>

Кейс 4. *Дискуссия о перспективах советских памятников в Эстонии, Латвии, Германии.* Берлин, Германия, июнь 2023, <https://rus.postimees.ee/7795077/slomat-ili-ostavit-predstaviteli-estonii-latvii-i-germanii-posporili-oversovetskih-pamyatnikah>

Кейс 5. *Замена герба СССР на украинский трезубец на монументе „Родина-мать” в Киеве.* Киев, Украина, июль 2023, <https://www.bbc.com/russian/articles/sxekn5l680xo>

Кейс 6. *Демонтаж памятника Пушкину в Риге.* Рига, Латвия, май 2023, <https://www.bbc.com/russian/features-65758434>

Кейс 7. *Снос в Украине памятников российским деятелям, установка памятников Ленину на украинских территориях, захваченных российской армией.* *Обзор.* 2022, <https://www.bbc.com/russian/features-61911717>

Кейс 8. *Решение правительства Эстонии о демонтаже советских памятников*. Таллинн, Эстония, август 2022, <https://novayagazeta.ee/articles/2022/08/04/v-estonii-demontiruiut-vse-sovetskie-pamiatniki?ysclid=lkqpe5m5gi456365150>

Кейс 9. *Демонтаж памятника советским солдатам Второй мировой войны*. Тюри, Эстония, апрель 2023, <https://rus.postimees.ee/7750942/foto-i-video-v-estonii-snesli-eshche-odnogo-bronzovogo-soldata>

Кейс 10. *Президент Эстонии Алар Карис отказался подписывать поправки к законам, предполагающим снос советских памятников*. Таллинн, Эстония, март 2023, <https://spektr.press/news/2023/03/07/prezident-estonii-otkazalsya-podpisvat-popravki-k-zakonom-o-snose-sovetskikh-pamyatnikov/>

Кейс 11. *Снос четырех монументов советским воинам в Польше. Глубчице, Бычина, Боболице, Сташув*. Глубчице, Бычина, Боболице, Сташув, Польша, октябрь 2022, <https://www.bbc.com/russian/news-63418831>

Кейс 12. *Демонтаж памятника „Танк Т-34” в Нарве*. Нарва, Эстония, август 2022, <https://www.bbc.com/russian/news-62567204>

Кейс 13. *Решение об установке на российской стороне реки Наровы в городе Ивангород монумента „Танк Т-34”, аналогичного снесенному в Нарве*. Ивангород, Россия, август 2022, <https://47news.ru/articles/217815/?ysclid=lkqrus0v8o128586808>

Кейс 14. *Выступление казачьего хора в Ивангороде во время празднования 9 мая (Дня Победы). Сцена была ориентирована так, чтобы выступление могла смотреть и эстонская аудитория из города Нарва*. Ивангород, Россия, май 2023, <https://rus.postimees.ee/7771153/kazachiy-hor-ugrozhalkatri-rayk-iz-ivangoroda-oderzhim-pobedu-k-tebe-ya-priedu>

Кейс 15. *На стене Нарвского замка, выходящей к пограничной реке Нарове и российскому Ивангороду, вывешен плакат с надписью „Путин – военный преступник”*. Нарва, Эстония, май 2023, <https://rus.postimees.ee/7770346/galereyna-stene-narvskogo-zamka-vyvesili-plakat-s-nadpisyu-putin-voennyy-prestupnik>

Кейс 16. *Инсталляция подбитого в Украине российского танка перед российским посольством в Берлине вызвала разные реакции: от украшения танка плакатами и шариками с антивоенными/антироссийскими/антипутинскими надписями до возложения цветов*. Берлин, Германия, 24–27 февраля 2023, <https://www.dw.com/ru/kak-podbityy-rossijskij-t72-u-posolstva-rf-v-berline-stal-tankom-razdora/a-64835419>

Кейс 17. *Инсталляция подбитого в Украине российского танка в центре Таллинна. Штраф за возложение цветов к танку*. Таллинн, Эстония, 25 февраля – 2 марта 2023, <https://rus.postimees.ee/7722049/policiya-oshtrafovala-cheloveka-otkazavshegosya-zabrat-cvety-s-podbitogo-rossiyskogo-tanka>

Кейс 18. *Инсталляция подбитого в Украине российского танка в центре Тарту. Возложение к танку цветов*. Тарту, Эстония, 11–14 марта 2023,

<https://rus.postimees.ee/7731390/zhiteli-tartu-proyavili-interes-k-podbitomu-rossiyskomu-tanku-nekotorye-prinosyat-cvety>

Кейс 19. *Инсталляция подбитого в Украине российского танка в центре Вильянди. Попытка возложить цветы к танку.* Вильянди, Эстония, 17–20 марта 2023, <https://rus.postimees.ee/7732761/zlo-zhivet-ryadom-s-nami-turne-podbitogo-rossiyskogo-tanka-prodolzhitsya-v-vilyandi>; <https://rus.postimees.ee/7735348/prohohziy-hotel-vozlozhit-cvety-k-podbitomu-rossiyskomu-tanku-v-chetyre-chasa-nochi>

Кейс 20. *Отказ некоторых муниципалитетов Эстонии демонстрировать подбитый в Украине танк Т-72.* Пярну, Раквере, Йыхви, Нарва, Эстония, март 2023, <https://gazeta.ee/estonia/ne-vo-vremya-vyborov-ne-vse-municipalitety-gotovy-prinyat-podbityj-rossijskij-tank>

Кейс 21. *Инсталляция подбитого в Украине российского танка в Риге. Возложение к танку цветов.* Рига, Финляндия, 17 ноября–7 декабря 2023, <https://press.lv/post/u-razbitogo-tanka-naprotiv-rossijskogo-posolstva-poyavilis-tsвety-kakova-reaktsiya>

Кейс 22. *Инсталляция подбитого в Украине российского танка в центре Вильнюса. Возложение к танку цветов.* Вильнюс, Литва, 24 февраля–март 2023, <https://rus.err.ee/1608900437/podbityj-rossijskij-tank-vyzval-raznye-mnenija-i-v-vilnjuse>

Кейс 23. „*Тихий*” протест жителей России против войны в виде размещения в городской среде российских городов антивоенных надписей, рисунков и маленьких фигурок, несмотря на угрозу уголовного наказания. Россия, 2022–2023, <https://99percentinvisible.org/episode/orange-alternative/>

Кейс 24. *На месте демонтажа танка-памятника на каменной ограде в Нарве появилась надпись, цитирующая слова убитого в результате взрыва в Санкт-Петербурге российского военкора Владлена Татарского: „Всех победим, всех убьем, всех, кого надо, ограбим. Все будет, как мы любим”.* Полиция завела дело. Для объяснения своих мотивов нарвский художник-акционист Вован Каштан дал интервью. Позже он был оштрафован судом Эстонии. Нарва, Эстония, апрель 2023, [https://rus.err.ee/1608947758/nameste-gde-stojal-narvskij-tank-pojavilas-provokacionnaja-nadpis#](https://rus.err.ee/1608947758/nameste-gde-stojal-narvskij-tank-pojavilas-provokacionnaja-nadpis#;); <https://rus.postimees.ee/7781184/video-skandalnyy-narvskiy-hudozhnik-vovan-kashtan-menya-vdohnovlyaet-tema-yurodstva>

Кейс 25. *На здании Союза писателей Эстонии появился флаг Эстонской ССР, который в Эстонии запрещено демонстрировать в публичных местах. Флаг провисел несколько часов, после чего полиция его демонтировала. Депутат эстонского парламента от консервативной партии EKRE Яак Валге выступил с заявлением, что именно он стоит за этой акцией, которая носит протестный характер.* Таллинн, Эстония, 22–23 июля 2023,

<https://rus.err.ee/1609041806/jaak-valge-vyveshivanie-flaga-jessr-jeto-protest-protiv-reshenija-sojuza-pisatelej>

Кейс 26. В Белграде на мурал, посвященный классику украинской литературы Лесе Украинке, были нанесены надписи о „нацизме” и буквы „Z”, которыми в качестве опознавательных знаков была маркирована техника и форма российских войск в ходе полномасштабного вооруженного вторжения в Украину в 2022 году. Эти буквы стали семантически соотноситься с поддержкой российского вторжения, поэтому украинские дипломаты выступили с протестом. Белград, Сербия, 26 декабря 2022, <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2022/12/27/7153192/>

Кейс 27. В Софии на памятник классику украинской литературы Тарасу Шевченко желтой краской была нанесена надпись „Я russ”. Украинские дипломаты выступили с протестом. София, Болгария, апрель 2023, <https://delo.ua/ru/society/v-bulgarii-oskvernili-pamyatnik-sevcenko-ukraina-trebuet-razobratsya-foto-415017/>

Кейс 28. В Латвии неизвестные сорвали табличку „Слава героям” на русском и латышском языках с памятника погибшим советским воинам на братской могиле. Сесава, Латвия, ноябрь 2022, <https://www.belta.by/world/view/v-latvii-neizvestnye-oskvernili-bratskoe-zahoronenie-sovetskih-soldat-536039-2022/>

Кейс 29. Протесты против сноса советского мемориала освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков. Рига, Латвия, май 2022, <https://www.bbc.com/russian/news-61442343>

Кейс 30. В заброшенном поселке Галяшор на севере Пермского края уничтожили памятник полякам и литовцам – жертвам политических репрессий. Пермский край, Россия, апрель 2023, <https://novayagazeta.ru/articles/2023/04/22/izmenili-pamiatii?ysclid=lsgemxycqj687534316>

Кейс 31. Требование закрыть мемориалы польским солдатам, попавшим в плен к советским войскам в первые дни Второй мировой войны и депрессированным в Твери и под Смоленском. Тверь, Россия, март 2022, https://vesti-tver.ru/dailynews/obshchestvenniki-trebuyut-zakryt-memorial-mednoe-v-tverskoy-oblasti/?phrase_id=24157390

Кейс 32. Демонтаж в Приморске мемориала финским солдатам, погибшим в ходе советско-финской войны 1939–1940. Приморск, Россия, январь 2023, <https://www.svoboda.org/a/pod-peterburgom-ubrali-memorial-finskim-soldatam/32240547.html>

Кейс 33. На место демонтированного мемориала „Танк Т-34” в Нарве в День Победы (9 мая) возлагали цветы. Нарва, Эстония, 9 мая 2023, <https://rus.postimees.ee/7770996/foto-na-byvshee-mesto-narvskogo-tanka-takzhe-prinesli-cvety-vneshniy-vid-odnoy-zhenschchiny-privlek-vnimanie-policii>

Кейс 34. Решение о строительстве военного объекта в Нарве на месте демонтированного мемориала „Танк Т-34”. В случае отказа местного самоуправления передать эту муниципальную территорию в ведение государства МВД готово в одностороннем порядке поменять статус земли. Нарва, Эстония, декабрь 2022–март 2023, [https://rus.err.ee/1608922871/mvd-gotovitsja-k-prinuditelnomu-otchuzhdeniju-uchastka-na-kotorom-stojal-narvskij-tank](https://rus.err.ee/1608810595/ppa-planiruet-postroit-na-meste-narvskogo-tanka-pamjatnika-sistemu-monitoringa-dronovhttps://rus.err.ee/1608922871/mvd-gotovitsja-k-prinuditelnomu-otchuzhdeniju-uchastka-na-kotorom-stojal-narvskij-tank)

Кейс 35. Несмотря на запрет мероприятий к 9 мая в Риге, люди приносили цветы к памятнику освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков. Рига, Латвия, май 2022, <https://www.bbc.com/russian/media-61411362>

Кейс 36. Демонтаж монумента советским солдатам в Тарту на мызе Раади. На место монумента приносят цветы. Тарту, Эстония, май 2023, <https://rus.postimees.ee/7770673/na-meste-udalennogo-sovetskogo-voennogo-monumenta-v-tartu-9-maya-poyavilos-neskolko-desyatkov-cvetov>

Кейс 37. В Краснодаре и Петербурге у памятника Тарасу Шевченко появились стихийные мемориалы в память о погибших в результате российского удара по Днепру 14 января. Санкт-Петербург, Краснодар, январь 2023, <https://doxa.team/news/2023-01-18-monuments>; <https://www.kommersant.ru/doc/5783151?ysclid=lkqrofhn84568110574>

Кейс 38. В Москве у памятника Лесе Украинке возник стихийный мемориал в память о жертвах российского ракетного удара по жилому дому в Умань. Москва, Россия, апрель 2023, <https://www.svoboda.org/a/k-pamyatniku-lese-ukrainke-v-moskve-nesut-tsvety-v-pamyatj-o-zhertvah-v-umani/32385043.html>

Кейс 39. Акция нарвского художника-акциониста Вована Кастана в память о погибших в Мариуполе: перед зданием ДК им. Герасимова было написано ДЕТИ, как перед зданием театра в Мариуполе, под завалами которого погибло много людей во время российской бомбардировки города. Нарва, Эстония, май 2023, <https://rus.postimees.ee/7770866/eva-punsh-nadpis-deti-pered-zabroshennym-dk-v-narve-art-akciya-ili-provokaciya>

Кейс 40. Резонанс вызвало видео 23-летней жительницы Самары, на котором она „щекотала” грудь монумента Родина-мать на Мамаевом кургане, напевая при этом цирковую мелодию. Следственный Комитет РФ завел дело об осквернении захоронения и реабилитации нацизма. Девушка уехала из России на полгода, а после возвращения была арестована и помещена в СИЗО.

Москва, Россия, июль 2023–февраль 2024, <https://www.spr.ru/novosti/2023-07/v-volgograde-blogera-poschupala-rodinu-mat.html>; <https://meduza.io/news/2024/02/09/sud-arestoval-zhitelnitsu-samary-kotoraya-zapisala-video-o-tom-kak-on-a-schekochet-rodinu-mat-ee-obvinyayut-v-reabilitatsii-natsizma?ysclid=lsgkkdirgy412662908>

Кейс 41. Обновление экспозиции музея истории Силламяэ (Эстония). История места как города связана с советским периодом (статус города получен в 1957), поэтому в экспозицию встроена советская часть, но без идеологических интерпретаций. Силламяэ, Эстония, 2022–2023. <https://rus.postimees.ee/7900266/reportazh-iz-sillamyaе-komu-nuzhen-trevozhnyy-mif-ob-estonskom-stalinlendehttps://rus.err.ee/1608949468/narodu-vazhno-v-sillamjaje-strojat-tematicheskij-park-o-sovetskoy-jerohe>

Телесность мемориальных войн

Городское пространство, выступающее как среда обитания для горожан, не только хранит на себе следы, но и само является местом ожесточенных символических сражений, в том числе мемориальных. Можно обнаружить самые разные виды таких войн, соответствующие классификации „горячих” конфликтов. Все они определяются через субъектность сторон, способ и место ведения военных действий, средств воздействия и пр. Однако городские войны, как правило, являются борьбой за власть или символическое доминирование, а „ненависть к конкретным памятникам связана с ненавистью к структуре власти, чьи символы в них воплощены” (Zelče 2010: 19). Государство секьюритизирует память. „Секьюритизация означает, что правительство выделяет политику, связанную с секьюритизируемыми объектами, как экстраординарную, которая не должна обсуждаться или оспариваться внутренними силами. Любое противоречие считается признаком предательства и, следовательно, представляет угрозу безопасности” (Pääbo 7; Buzan). Поэтому в ходе конфликта стороны привлекают дополнительные средства, изначально внешние по отношению в городской среде, такие как карательные инструменты со стороны государства (кейсы 1, 2, 24) или партизанские вылазки со стороны активистов (Arhipova), если речь идет о семиотической партизанской войне; дипломатические средства выражения протesta (кейс 3) или массовые выступления горожан против действий других стран, если мы говорим о межгосударственных символических войнах; баталии в социальных сетях и юридические ограничения на пользование ресурсами или Интернетом в целом, в случае с мемориальными виртуальными войнами и пр.

Восточная Европа не демонстрирует единства взглядов относительно советских монументов из-за кардинального различия официальных военных нарративов („СССР-освободитель” в России, Беларуси, Сербии, Болгарии; „СССР-оккупант” в Эстонии, Польше, Литве, Латвии), или множество нарративов (в Украине до 24 февраля 2022, Германии и других странах,

см. Primachenko 269) не позволяет проводить единую историческую политику в отношении советских памятников (кейс 4). С другой стороны, на пути к построению единой нации с единой памятью – „изобретенной традицией” (Anderson) – дискурсивный характер памяти и „неоднородность исторических воспоминаний [в] Украине, а также в России и Польше по-прежнему часто рассматривается как проблема” (Amacher, Aunoble 14), я бы добавил в этот список еще и страны Балтии (Spurina; Šūpulis).

Воюющие монументы

Объектом мемориальной войны между государствами является внутренняя аудитория. Историческая политика, направленная на мемориальную маркировку территории, затрагивает не только установку новых памятников и демонтаж стоящих, но и их пересемантизацию (кейс 5). В условиях обостренных войной внутренних мемориальных конфликтов решения по установке новых памятников выглядят исключительно смелыми и провокативными, а „корректировка” семиотической среды кажется чиновникам государственно важным делом.

Однако городское пространство является сложно собранной системой отношений между акторами/элементами, в которой изменение элемента ведет к полной перестройке всей системы. Монумент не только встроен в ландшафт, но и семантически образует отдельную среду и участвует в качестве элемента в общегородской, районной среде, которые в определенных условиях выступают как символическая или даже физическая инфраструктура, встроенная в культурные практики горожан. Так, демонтированный нарвский танк входил в число остановок для фото в свадебных маршрутах нарвян (Burdakova, №mm). Демонтаж памятника в этом смысле оказывается не только устраниением „напоминания о темном прошлом” или „символического агента влияния”, но и вытеснением события в зону культурного отчуждения. Как показывают наши исследования подобных попыток, они не приводят к забвению (Troitskiy 2018; Troitskiy et al. 2014, 2018), а наоборот, облеченные в ностальгическую оболочку или встроенные в языковой ландшафт, сохраняются до очередной реактуализации.

Демонтаж монументов как способ семантической „зачистки”, в течение последних нескольких лет, и особенно после 24 февраля 2022 года, в основном распространяется на памятники, связанные с военными событиями, политическими деятелями, или на те, факт установки которых был связан с официальными органами власти страны – идеологического противника. В этом случае монумент, какой бы он ни был, трактуется как инструмент

мемориальной экспансии „русского мира”. Отдельный тренд – демонтаж памятников деятелям классической русской культуры, которая тоже интерпретируется как инструмент имперской экспансии (Dovhopolova 2022b). Советская мемориальная разметка территорий с помощью монументов Ленину, Пушкину и пр. обернулась в постсоветский период „ленинападом” (Gaidai, Liubarets), а во время войны „пушкинападом” и демонтажем других памятников российским императорам и деятелям культуры (кейсы 6, 7).

Эстония, среди других стран Балтии, оказалась гораздо более внимательна в работе с исторической памятью. Демонтаж советских военных памятников производится не как полное уничтожение артефактов, а перенесение их в другую семантическую среду, где актуализируются смыслы, которые были заложены в памятнике, но не являлись доминирующими. Они были включены в сложную систему эмоциональных конструктов при создании и установке. Эстонское правительство активизировало работу по ревизии мемориалов после начала полномасштабного вторжения в Украину (кейс 8), однако сами монументы не уничтожаются, а перемещаются в музеи или на кладбище из открытых городских пространств (кейс 9). Такое решение не вытесняет память о событиях, не переозначает место/событие, борясь со своим прошлым и формируя весь комплекс отношений и эмоций заново, а активировать эмоции, заложенные в самом памятнике, сходны с индивидуальным актом принятия травматического прошлого. Несмотря на то, что советский период истории Эстонии, как и фашистский, вписаны в нарратив оккупации, такая работа с оккупационными мемориальными артефактами позволит преодолеть их травматичность, сделать память о прошлом плюральной, ограничив тем самым возможность для идеологического манипулирования. Однако стоит отметить, что высказанные здесь варианты будущего являются не более чем предположением. Опыт Эстонии еще сложно анализировать, поскольку прошло слишком мало времени, однако, аккуратность в отношении памяти (кейс 10) позволяет надеяться.

„Танковые сражения”

Одним из устойчивых символов победы во Второй мировой войне стал танк. В этой войне, которая стала, пожалуй, первой войной машин, танки использовались всеми сторонами и обеспечивали тактический и стратегический перевес. Неудивительно, что с 1970-х гг., когда в СССР сложился нарратив Победы (Moskwa), началась мемориальная разметка пространства Восточной Европы с помощью военных монументов. Для стран, которые после (и в результате) войны вошли в состав или попали в зависимость от СССР,

следы такой разметки воспринимаются очень болезненно (кейс 11; Koposov). После падения социалистического строя и демонтажа коммунистического дискурса памятник советскому танку воспринимается как идеологическое оружие СССР-России в мемориальной войне. Поэтому кампании по борьбе с советским наследием касались и танков тоже. Практики демонтажа танков встраиваются, в целом, в политику памяти и практику пересборки пространства. Отличаются, пожалуй, только технологии работы с гражданским обществом: односторонний запрет или двустороннее согласование. Мемориальные войны за доминирование в информационном пространстве приводят к противостоянию двух сторон на основе одного и того же объекта. Решение о демонтаже танка-монумента в Нарве (кейс 12) вызвало активность по другой сторону границы – в Ивангороде, где решили установить точно такой же монумент, какой демонтирован в Нарве (кейс 13), тем самым продемонстрировав действительную значимость нарвского памятника именно для российской стороны. Однако аудитории нарвского памятника и ивангородского все-таки разные. И получается, что культурное потребление этого, нового символического продукта, направлено на тех, кто и так через различные масс-медиа потребляет символику Победы с символическим переносом ее на так называемую СВО („специальная военная операция”, эта аббревиатура используется российской властью и прокремлевскими СМИ для обозначения полномасштабного вооруженного вторжения в Украину).

Это не единственный пример символических войн через границу. Кроме „танкового противостояния” обе стороны устраивают символические соревнования „кто кого” (кейсы 14, 15). По всей видимости, знаком победы в этом противостоянии становится переход от художественного/эстетического уровня к юридическому/политическому (дипломатический протест, официальное требование прервать демонстрацию и пр.). Граница между Нарвой и Ивангородом, несмотря на свою очень небольшую протяженность, является фактически лицом каждой из сторон, а по меткому определению Сабин Дюллен, границей-витриной (Dullin 55). Городские пространства обоих городов теперь выстроены так, чтобы витрина каждого из них была хорошо видна другой. Фактически, именно эта витрина служит символическим центром, который и перетягивает на себя внимание из другого центра. Остальное пространство служит локальным целям, а потому имеет второстепенное значение не только для другой стороны, но и для своего руководства.

Изменение городской среды, особенно в рамках политики памяти, оказывается интервенцией не только в пространство города, но и в ментальные карты, ментальный календарь, индивидуальные жизненные и ежедневные траектории. Советские мемориалы, как любое место памяти исторической травмы, становится вместе с тем и объектом „темного туризма” (Kidron

2012, 2013; Grigorov 2019: 152–157; Akbulut, Ekin 2019) со своими ритуальными практиками поминовения, такими как возложение цветов к месту танка-монумента, коллективные действия по памятным и торжественным датам. Любое место памяти – это еще и место гражданской активности, сборки коллективности и т. п. Поэтому ритуальные элементы, выступающие как инфраструктура памяти, важны для граждан, они воспроизводятся в отношении любого монумента в соответствии со сложившимся сценарием ритуала.

Однако попытки идеологической интервенции в городское пространство со стороны и/или при поддержке государства на фоне войны вызвали реакцию со стороны граждан, которая, тем не менее, не может быть однозначно интерпретирована, поскольку каждый, кто проявлял ее, как показывают интервью, имели различные мотивы. Примечательным и показательным является кейс, который я назвал „танковые сражения”.

Информационная война как продолжение „горячего” вооруженного конфликта предполагает использование символов поражения или победы. Годовщина с начала полномасштабного вооруженного вторжения РФ в Украину была семиотически удобным поводом для активизации идеологической войны, поэтому акция Enno Lenze и Wieland Giebel, задуманная как „символ поражения российской армии” через выставление в Берлине перед российским посольством российского танка Т-72, подбитого в ходе реального сражения в Украине, была поддержана муниципалитетом (кейс 16). Однако вместо единения против российской агрессии акция продемонстрировала напряженность социального поля. Концепция акции была плохо продумана: не учтены семантика танка как советского монумента с сопутствующими ритуалами; победный нарратив, разделяемый значительной частью (пост-) советской (до войны в Украине) эмиграции в Берлине; семантика места, отсылающая, наоборот, к нарративам „сила русского оружия” и „советские/российские танки в Берлине в 1945”. Эти семантические элементы позволили пересобрать семиотический комплекс „танк-монумент” с помощью низовой активности – возложения цветов к танку. Действия неизвестных активистов, среди которых было много бывших россиян, получивших немецкое гражданство, – но не только их, – возлагавших цветы к танку, были мгновенно интерпретированы как осуществление коммеморативного ритуала, поэтому пришлось прибегать к дополнительным мерам: запрету возлагать цветы. Подбитые в Украине танки планировалось выставить в разных городах Европы, но после Берлина информационное сопровождение акции значительно уменьшилось. Семиотический комплекс „выставление недействующего танка – возложение цветов”, отработанный как сценарий ритуала на советских монументах, прилепился к танку Т-72 и сопровождал его во многих городах (кейсы 16, 17, 18, 19, 21, 22), где этот артефакт выставлялся

(Берлин, Таллинн, Тарту, Вильянди, Вильнюс, Рига и др.). В Эстонии далеко не все муниципальные образования, которым было предложено экспонировать танк, согласились его принять, мотивируя это, например, нежеланием конфронтации среди горожан или тем, что танк может быть использован для предвыборной агитации перед грядущими выборами (кейс 20).

Партизанские вылазки: коммеморативные практики

Антropолог Александра Архипова, исследуя различные практики антивоенного сопротивления в российских городах после принятия в 2022 году поправок в УК РФ, делающих любую критику российской власти незаконной, описала особые практики „пассивной” активности (кейс 23). Они заключаются в графическом высказывании, нанесенном в публичных местах и подвергающем сомнению официальный нарратив. Это, как правило, юмористические/иронические надписи или изображения, обращающиеся к имеющемуся культурному опыту читателя/зрителя. Без знания первоисточника эти высказывания расшифровать невозможно. Архипова назвала людей, которые таким образом высказывают свою протестную позицию „семиотическими партизанами”² (Arhipova 2023).

Партизанские семиотические вылазки только в совокупности могут быть причислены к войнам памяти. В отличие от международных войн памяти, эти вылазки направлены на демонстрацию альтернативного мнения, сомнительности господствующего нарратива, протестного отношения к происходящим событиям, но объектом критики является государство или общество. Семиотические партизаны действуют анонимно, однако в некоторых случаях добровольно берут на себя ответственность за акцию, раскрывая авторство, благодаря чему она превращается в художественную, а автор – в акциониста, как в случае с нарвским художником-акционистом Вованом Каштаном, оставившим надписи на месте демонтированного советского монумента „Танк Т-34” (кейс 24). Эта акция вызвала возмущение у местных жителей и вопросы у полиции, но интерпретация произошедшего была однозначной – осквернение памятника (памяти) – хотя памятника уже и не было, осталось только место осуществления коммеморативных практик. Акция вызвала бурную полемику, поскольку могла быть прочитана и как пророссийская, и как проукраинская, поэтому полиция проявила активность. Автор дал интервью, объяснив, что акция была построена на игре и нас-

² В основе истории обретения независимости странами Балтии в 1989 г. лежит такая же акция „семиотических партизан”, получившая название „Балтийский путь” (Eglitis, Ardava).

лоении смыслов. Другой семиотический партизан в Таллинне оказался депутатом парламента, своим действиям – вывешиванию флага ЭССР, запрещенного для публичной демонстрации – он также приписывал совершенно противоположный смысл тому, который считывали окружающие (кейс 25). В условиях войны между Украиной и Россией войны памяти реализуются как конфликт пророссийских сил против украинских мест коммеморации (кейсы 26, 27) и антироссийских сил против советских памятников (кейс 28), причем не только в виде находящихся на грани закона деструктивных практик, но и в виде борьбы за сохранение монументов (кейс 29).

Вместе с одиночными высказываниями существуют и коллективные „низовые“ инициативы. Наиболее показательными являются коммеморативные практики, которые собирают коллективную акцию. „Партизанская семиотическая“ активность отдельных людей маркирует пространство, актуализируя память и поминовение (Epplee).

В отличие от коммеморативных коллективных акций, стихийные поминальные мемориалы работают с временной длительностью до момента реакции со стороны властей. Маркировка места как места памяти переозначает его, добавляя не только диахроническую, но и синхроническую перспективу. Жест возложения цветов к артефакту, изначально имевшему другую семантику, меняет и прагматику его культурного потребления, как это наглядно показывает история с Т-72 в Берлине. На месте танка-монумента в Нарве вырос стихийный мемориал, куда люди все равно несли цветы (кейс 33), тем самым не только и не столько воспроизводя советские мемориальные практики, но и указывая на значимость демонтированного монумента. Для того, чтобы прекратить эти практики, эстонское правительство решило разместить там действующий военный объект (кейс 34), хотя есть сомнение, что это прекратит подобные стихийные мемориальные практики, потому что теперь они носят характер конкретного сообщения власти, которое, к сожалению, не прочитано. Решение демонтировать советский монумент в других местах вызвало такую же реакцию с таким же содержанием (кейсы 35, 36).

Содержание подобных сообщений задается не только воспроизведением сценария ритуала, но также и выбором места и времени. Стихийный мемориал создается благодаря индивидуальной активности и собирается из индивидуальных сообщений-перформативов, выражющихся в возложении цветов или вещей к определенному месту. Как правило, эти высказывания несут протестное наполнение и часто имеют характер „семиотической партизанской“ вылазки. Основываясь на теории Сантино (Santino), антропологи под руководством Архиповой исследовали стихийный мемориал, возникший после трагедии в Кемерово, и пришли к выводу, что „высказывание создается не только фактом появления в пространстве города, но и фактом выбора

места и объекта в городском пространстве” (Arkhipova et al. 116). Однако важно и время, когда появляется мемориал, привязывая его к событию, по отношению к которому происходит поминовение. Именно событие переозначает место в „место поминовения”. Совмещение места как носителя семантики места события и времени позволяет прочитать сообщение, которое несет в себе стихийный мемориал. Так, различные трагические события во время войны в Украине, ставшие результатом действий российской армии, стали причиной для того, чтобы к памятникам, которые однозначно отсылают к истории Украины (украинской культуры), жители российских городов несли цветы и свечи, тем самым создавая несанкционированный („партизанский”) стихийный мемориал (кейсы 37, 38).

Дискуссия

После Пьера Нора (Nora 1984; Nora et al. 1999), показавшего, как нетелесная культурная память формирует телесные практики и переживания, концепт „места памяти” стал общим в исследованиях культуры. При всей методологической разнице, как Латур и Ло, так и Нора демонстрируют влияние комплекса вещественных и невещественных элементов на „символическую реальность”, а через нее на физическую реальность: комплекс идеологических установок формирует репутацию события, репутацию вещи, предвосхищает ожидания от взаимодействия с ней и подготавливает эмоции (Thrift; Thien). Таким образом, „тело города” оказывается не только литературной метафорой, но и описанием эмоциональной встроенности города в психическое тело человека. Тело города является чем-то вроде рецептора для тела горожанина: механическое изменение городского пространства (например, удаление или установка монумента) приводит к изменениям эмоционального состояния горожанина.

Пространство города, как амальгама, воспроизводит и фиксирует все малейшие изменения в социальной, культурной, экономической, политической сферах. Все акторы (коллективные и индивидуальные) оставляют в городской среде следы своего участия как цифровые (в медийном образе города в качестве виртуальных „документов”), так материальные (в виде артефактов). Различие интересов действующих сил, отражающееся в противостоянии, приводит к изменениям в представлениях и презумпциях, но, вместе с тем, каждый участник противостояния стремится зафиксировать собственную позицию, закрепить собственные установки через материальное их представление, через захват ключевых мест городской среды. В условиях „холодных” противостояний захват ключевых мест городской среды

происходит символически (как создание маркера присутствия), в условиях „горячих” конфликтов – это реальный захват зданий и ключевых мест. Таким образом, анализ городского пространства, среди прочего, позволяет выявить основные конфликты, которые могут быть не видны „невооруженным взглядом”, особенно это касается „холодных” противостояний, когда можно заметить только маркеры, а не четко артикулированные позиции.

Виртуальные вещи/события многократно увеличиваются в количестве, эти дубликаты сосуществуют одновременно и также влияют друг на друга, изменяют друг друга как в физическом пространстве, так и в виртуальном (Keppler). Легкость трансфера между физическим и виртуальным пространствами затрудняет исследование особенно того, что касается факторов (истоков, причин, мотивов), и в итоге, исследование акторов.

„Места памяти” как ретроспективный способ мышления о коллективной идентичности укоренены не в прошлом, а в современном представлении о прошлом и носят характер идеологии определенной социальной группы и ограничены не физическими, а символическими границами. В России последних 20 лет „битва за историю” (Kalinin) была одной из приоритетных задач идеологической работы по построению „суворенной демократии”³. „Битва за историю” – это символическая война с другими дискурсивными моделями прошлого за сохранение единства социальной группы, построенного на основании единственного исторического нарратива. Взятый в начале 2000-х гг. „курс на установление «согласия сверху» путем ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы и одновременно попыток внедрения своего рода «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов” (Malinova 187), распространялся и на построение единого исторического нарратива, основанного на советском историческом нарративе, но с учетом необходимых „корректировок” (Malinova 225). Сама история трактовалась как неизменный набор необходимых фактов. Политика памяти совместилась с исторической политикой (Miller 2020a) и во многом воплотилась в публичной истории, „специалисты” в которой демонстрировали эсценциалистский подход. Официальная версия мировой истории в контексте российского исторического нарратива воспринималась как единственная, остальные назывались чуждыми и подвергались подавлению как инструмент вражеского влияния. Термин „мемориальные войны” (Anikin, Linchenko), или „войны памяти” (Miller 2020b), изначально сложившийся в контексте феминистской теории (Park; Campbell), приобрел в России большую популярность, наполнился идеологическим значением (Davidenko) и преподносился как символические „войны в защиту Истории от посягательств враждебных

³ Термин, придуманный идеологом путинизма Владиславом Сурковым.

сил [Запада]” (напр. Churakov; Bordjugov и др.). При этом по ту сторону линии фронта в „мемориальных войнах” оказываются не только противоположные трактовки и интерпретации, но также плюральные исторические дискурсы, затрагивающие сюжеты и темы, оказавшиеся в зоне умолчания и указывающие на множественность интерпретаций (См.: De Florio et al.; Miller 2020b; Polian).

Фокус на городском пространстве только усиливает конфликтный аспект работы с памятью, поскольку актуализирует конфликтный потенциал полисемантической среды города. Такой подход позволяет избежать монохромности при интерпретации мест памяти и памяти о местах, что характерно для постколониальных исследований, которые „успели уйти в стиль и стать общим местом рассуждений об инаковости в разного рода освободительных дискурсах” (Tlostanova) и которые заменили в Восточной Европе любые попытки создания критической посткоммунистической теории (Tichindeleanu 2010, 2011, 2012), предлагая анализировать режимы прошлого исходя из отношения поработителей и порабощенных, жертв и палачей. Подобное действие делает стерильными семантические уровни памяти, превращая историю в поочередную смену черно-белых полос и фактически лишая субъектов процесса их субъектности, создавая для них презумпцию неучастия/алиби. Такой подход делает состояние жертвы единственным основанием быть актором, игнорируя все остальные характеристики (Koposov), а в обществе выстраивается сегрегация по степени жертвенности (Brüggemann, Kasekamp 426).

На фоне войны в Украине процесс мемориальных сражений, начатый в 1990-е годы по перестройке городских пространств в соответствии с посткоммунистическими реалиями, обострился. Под удар попали, не только маркеры вытесняемого прошлого, но и спорные объекты, указывающие на неоднозначность трактовок прошлого или ставящие под сомнение официальный нарратив. Историческая/мемориальная политика направлена на „изобретение традиции” (Hobsbawm, Ranger) и собирание „воображаемых сообществ” (Anderson). Война с памятниками и с урбанизмами вышла на новый уровень, задействовав репрессивные средства по отношению к активистам, выступающим с критикой трансформации городской среды. На фоне такой активной работы, вместе с перестройкой городских „мест памяти” формируются и новые основания сборки коллективного тела сообщества (Dovhopolova 2022a).

На фоне войны в конфликт между режимами памяти, как дополнительный фактор, вмешивается угроза со стороны агрессора в том виде, каким он представляется. Таким образом, эмоциональная топография памяти дополняется аффективным переживанием беспокойства/страха близкого присут-

ствия врага – носителя враждебного режима памяти. Мемориальная война трансформируется в войну против страха, против сконструированного образа врага, в то время как действительная опасность, которую представляет агрессор, заслоняется сконструированными характеристиками этого образа. Образ врага становится подходящим для того, чтобы выстроить историческое алиби коллективного субъекта, добавив в этот коллективный образ необходимые характеристики, значительно его модернизирующие⁴. Множество историй (уровней памяти), собранные в местах памяти, „способны усиливать доминирующие нарративы, но также могут воплощать сопротивление и активность посредством попыток бросить вызов таким нарративам” (Kappler 131).

Учитывая возможность влияния мест памяти на содержание общественного мнения и конфигурацию общества (Steiner, Zelizer), самый первый вариант стратегии пересборки постсоветского общества, который приходит на ум, это устранение из публичного пространства советских памятников. Однако множество уровней/режимов памяти, сложившееся за период функционирования каждого конкретного места памяти, дискурсивные практики вокруг него (Steiner, Zelizer; Phillips, Reyes; Šipulis), не позволяют решить вопрос так просто, поскольку уничтожение места памяти в стремлении устраниć один уровень памяти приводит к обострению конфликтов с другими уровнями/режимами, – и это показывают мемориальные практики, описанные в данной статье, – поскольку кроме официальных нарративов, с которыми государство или гражданское общество может работать, вокруг мест памяти выстраиваются также и индивидуальные „tales of the unrecognized” (De Certeau 68), которые отражают также и официальные нарративы, но несут эмоциональную нагрузку для конкретного человека. „Выдавливание” смыслов и устранение материальных объектов приводит к вытеснению в зоны культурного отчуждения, к консервации вытесненного культурного опыта до реактуализации (Troitskiy 2018). В результате такого очередного мемориального боя не происходит полного преодоления культурной травмы, а формируется новая, и само мемориальное противостояние продолжается (Dmitrieva). Справедливости ради стоит отметить, что существуют

⁴ В России это происходит, например, с памятью о вине государства в массовых репрессиях 1930–1940-х гг. Разрыв отношений с европейскими странами и конструирование образа врага позволяет переносить на них вину за конкретные карательные акции и искоренять любые маркеры (места памяти, упоминания и т. п.) этих акций (кейсы 30, 31). То же и с маркерами агрессивной внешней политики СССР (кейс 32). С другой стороны, восточноевропейские страны также стараются игнорировать активное участие своих граждан в установлении социалистических режимов или политических/военных преступлений, конструируя образ СССР как единственного источника проблемы (кейсы 11, 4; Koposov).

и другие стратегии работы с культурной памятью о (советском) прошлом. Хороший пример – музей Силламяэ, предлагающий музеефицировать советское прошлое Эстонии, приняв его как сложный комплекс (положительных и отрицательных) характеристик (кейс 41), как часть *своей* истории. Вероятно, в рамках этой же стратегии находится и музеефицирование военных монументов в Эстонии или перемещение эстонских мортальных памятников и военных захоронений на кладбища. Как пишет Стефани Кепpler, исследуя мемориальные практики в Сараево, „гибкий характер историй потенциально трансформирует повествования о мире и миростроительстве в дискурсы и истории, связанные с конфликтами, но также открывает потенциал для переформулировки повествований о вражде в дискурсы, связанные с потенциальными возможностями мира” (Kappler 131; Šūpulis).

Вместо заключения. „Длинные руки” истории: карательные инструменты исторической политики

Мемориальная политика требует серьезного отношения к истории. Она является источником для трактовки происходящего и удобным ресурсом политической мобилизации. Поэтому государство/общество претендует на монополию на историческую память, превращая ее в политическую сущность, с соответствующим эссенциалистским подходом к историческим событиям/местам/персонам, „секуритизируя” культурную память (Pääbo 7). События и их интерпретация, включенные в официальный исторический нарратив, защищаются государством/обществом от сомнений и критики, а невключенные вытесняются в зону культурного отчуждения (деактуализируются), поскольку их реактуализация запускает процесс дискуссии, которая аннигилирует сложившийся нарратив, делая исторические события подвижными как интерпретативно, так и политически⁵. Они, выступая как самостоятельные акторы, могут изменить всю семиотическую систему. Вместе с тем семиотическая стабильность позволяет членам сообщества чувствовать себя комфортно (Troitskiy 2021a: 208–214). Различные „партизанские” вылазки делают такую стабильность эфемерной, поэтому государство стремится ее зафиксировать юридически, а общество – этически, делая вытесненные элементы и их маркеры нелегальными или аморальными. Подобные процес-

⁵ Страны Балтии демонстрируют работу этого механизма после обретения независимости, возвращая в поле активного использования досоветские элементы культурной памяти и вытесняя советские (см. Zelče 2009: 45–47; Sherlock 148; Spurina; Kõresaar). Однако даже вытесненная в зону культурного отчуждения, культурная память может влиять на актуальное поле культуры, становиться „призмой” для интерпретации прошлого (Kõresaar 38).

сы характерны для всех политических систем, построенных на символической экономике (Baudrillard). Защита каналов потребления встроена в саму политическую систему. Городские пространства являются такими же элементами символической экономики, а различные интервенции, способные привести к переинтерпретации или реактуализации вытесненных элементов, подпадают под действие карательных практик. Даже смена регистра, выведение на другой уровень референции – эстетическое или юмористическое высказывание (Kozintsev 34) – воспринимается как прямое высказывание в отношении объекта (Troitskiy 2021b), а значит, попадает в поле зрения репрессивной машины государства. Мемориальные конфликты в городском пространстве хорошо это демонстрируют. Вывешивание флага Эстонской ССР в Таллинне (кейс 25), надпись на каменной ограде на месте танка-мемориала в Нарве (кейс 24), художественная акция в Нарве, отсылающая к трагедии в Мариуполе (кейс 39) и другие приводят к вмешательству полиции. Задача полиции – сохранить мемориальный статус кво, хотя памятники являются „платформами для создания историй“ (Kappler 133). Неважно, намеренное это высказывание или случайное (кейс 40); если его содержание вызывает вопросы со стороны полиции, значит оно попало в проблемное место выстроенного нарратива. Реакция государства в лице полиции или общества в лице отдельных „защитников истории/памяти“ указывает на то, что официальный нарратив требует обновления и именно эти „проблемные моменты“ (Sergeychik) могут вызвать дальнейшую реакцию его распада. Семантические связи, соединяющие в одном месте памяти разные режимы памяти, рассыпаются, а конфликт между ними актуализируется как война между эмоциональными привязанностями к одному или другому уровню/режиму памяти внутри субъекта, индивидуального или коллективного.

References

- Akbulut, Onur, Yakin Ekin. „Tourism potential of battlefields of Balkan wars (1912–1913): A comparison of Turkey and Bulgaria“. *Transborder commemoration routes and rituals*. Eds. Lina Gergova, Valentin Voskresenski, Yana Gergova. Sofia, Paradigma, 2019, s. 258–275.
- Amacher, Korine, Éric Aunoble. „Introduction“. *Histoire partagée, mémoires divisées Ukraine, Russie, Pologne*. Dir. Korine Amacher, Éric Aunoble, Andrii Portnov. Lausanne, Antipodes, 2021, s. 7–20.
- Anderson, Benedict R. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism* (Revised and extended. ed.). London, Verso, 1991.
- Anderson, Kay, Susan J. Smith. „Editorial: Emotional geographies“. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 26 (1), 2001, s. 7–10.
- Anikin, Daniil, Andrej Linčenko. „Memorial'nye vojny v usloviâh vostočnoevropejskogo fronta: v poiskah metodologii issledovaniâ“. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 466, 2021, s. 55–63.

- Arhipova, Aleksandra. „Rossijskaâ propaganda: kak sozdat' vpechatlenie, čto vojny net”. *Global Voices*, 06.02.2023. Web. 28.06.2023. <https://ru.globalvoices.org/2023/02/06/114977/>.
- Arhipova, Alexandra, Irina Kozlova, Maria Gavrilova. „Screaming not silence: Grief as a protest and manifestation of loyalty”. *Urban Folklore & Anthropology*, II (1–2), 2019, s. 82–121.
- Assmann, Aleida. „Europe's divided memory”. *Memory and theory in Eastern Europe*. Eds. Uillem Blacker, Alexander Etkind, Julie Fedor. New York, Palgrave Macmillan, 2013, s. 25–41.
- Baudrillard, Jean. *Pour une critique de l'économie politique du signe*. Paris, Gallimard, 1972.
- Bordûgov, Gennadij. „Vojny pamâti” na postsovetskom prostranstve. Moskva, AIRO-HHI, 2011.
- Brüggemann, Karsten, Andres Kasekamp. „The politics of history and the «war of monuments» in Estonia”. *Nationalities Papers*, 36 (3), 2008, s. 425–448.
- Burdakova, Olga, Jelena Nõmm. „Narva «wedding sights» as components of the local text”. *Nordic and Baltic Studies Review*, 4, 2019. <https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=1341>.
- Buzan, Barry, Ole Weaver, Jaap de Wilde. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, Lynne Rienner, 1996.
- Campbell, Sue. *Relational remembering: Rethinking the memory wars*. Oxford, Rowman & Littlefield Publishers, 2003.
- Clark, Andy, David J. Chalmers. „The extended mind”. *Philosophy of mind: Classical and contemporary readings*. Ed. David J. Chalmers. New York, Oxford University Press, 2002, s. 643–652.
- Čurakov, Dmitrij. „Vojny pamâti: otstoât' pravdu Pobedy”. *Gumanitarnye nauki*, 1, 2015, s. 7–24.
- Davidenko, Aleksei. „The concept of «memory wars» in contemporary studies of collective memory”. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, 2022, s. 85–95.
- De Certeau, Michel. *The practice of everyday life*. Trans. Steven Rendall. Berkeley, CA, University of California Press, 1984.
- De Florio, Giulia et al. *Raznye vojny: nacional'nye učebniki o Vtoroj mirovoj vojne. Katalog vystavki*. Moskva, Meždunarodnyj Memorial, Fond Fridriha Naumana, 2018.
- Dmitrieva, Marina. *Allotopii. Čužoe i Drugoe v prostranstve vostočnoevropejskogo goroda*. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.
- Dovhopolova, Oksana. „Prospective trends in reformatting regional identities in wartime Ukraine (The case of Odesa)”. *Ideology and Politics Journal*, 2 (21), 2022a, s. 20–35.
- Dovhopolova, Oksana. „The two Russias: A variety turn at the Mariupol Drama Theatre”. 07.07.2022b. Web. 28.06.2023. <https://sharethetruths.org/2022/07/07/the-two-russias-a-variety-turn-at-the-mariupol-drama-theatre/>.
- Dullin, Sabine. *Uplotnenie granic. K istokam sovetskoy politiki. 1920–1940-e*. Per. È. Kustova. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Eglitis, Daina S., Laura Ardava. „The politics of memory: Remembering the Baltic way 20 years after 1989”. *Europe-Asia Studies*, 64 (6), 2012, s. 1033–1059.
- Epplee, Nikolaj. *Neudobnoe prošloe. Pamât' o gosudarstvennyh prestupleniâh v Rossii i drugih stranah*. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Gaidai, Oleksandra, Andriy Liubarets. „Leninfall: Elimination of the past as a way of constructing the future (on the materials of Dnepropetrovsk, Zaporozhye and Kharkov)”. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, 2 (16), 2016, s. 28–41.
- Grigorov, Grigor H. „Constructing national territory through ritual”. *Transborder commemoration routes and rituals*. Eds. Lina Gergova, Valentin Voskresenski, Yana Gergova. Sofja, Paradigma, 2019.

- Hobsbawm, Eric, Ranger Terence, eds. *The invention of tradition*. New York, Cambridge University Press, 1983.
- Kalinin, Ilya. „The struggle for history: The past as a limited resource”. *Memory and theory in Eastern Europe*. Eds. Uilleam Blacker, Alexander Etkind, Julie Fedor. New York, Palgrave Macmillan, 2013, s. 255–265.
- Kappler, Stefanie. „Sarajevo’s ambivalent memory scape: Spatial stories of peace and conflict studies”. *Memory Studies*, 10 (2), 2017, s. 130–143.
- Kidron, Carol A. „Being there together: Dark family tourism and the emotive experience of copresence in the Holocaust past”. *Annals of Tourism Research*, 41, 2013, s. 175–194.
- Kidron, Carol A. „Breaching the wall of traumatic silence: Holocaust survivor and descendant person–object relations and the material transmission of the genocidal past”. *Journal of Material Culture*, 17 (1), 2012, s. 3–21.
- Koposov, Nikolay. „Les cultures mémoriales en Europe au miroir des lois sur le passé: une dichotomie «Est-Ouest»?”. *Histoire partagée, mémoires divisées Ukraine, Russie, Pologne*. Dir. Korine Amacher, Éric Aunoble, Andrii Portnov. Lausanne, Antipodes, 2021, s. 387–398.
- Koposov, Nikolay. *Memory laws, memory wars. The politics of the past in Europe and Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018.
- Kõresaar, Ene. „The remembrance culture of the Second World War in Estonia as presented in post-Soviet life stories: On the logic of comparison between the Soviet and the Nazi occupations”. *We have something in common: The Baltic memory*. Eds. Anneli Mihkelev, Benedikts Kalnačs. Tallinn, Estonian Academy of Sciences, University of Latvia, 2007, s. 37–64.
- Kozintsev, Alexander. *The mirror of laughter*. New Brunswick, NJ, Routledge, 2010.
- Latour, Bruno. *Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory*. New York, Oxford University Press, 2005.
- Law, John. „Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity”. *Systems Practice*, 5 (4), 1992, s. 379–393.
- Law, John. „Ob”ekty i prostranstva”. *Sociologiya vešej*. Red. Viktor Vahštajn. Moskva, Territoria budušego, 2006, s. 223–240.
- Malinova, Olga. *Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvoličeskoy politiki v sovremennoj Rossii*. Moskva, INION RAN. Centr social’nyh nauč.-inform. issled. Otdel polit. nauki, 2013.
- McLuhan, Marshall. *Understanding media: The extensions of man*. Ed. Terrence W. Gordon. Corte Madera, CA, Gingko Press, 2003.
- Miller, Aleksej. „Bol’šie peremeny. Čto novogo v politike památi i ee izučenii?”. *Politika památi v sovremennoj Rossii i stranah Vostočnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy*. Red. Aleksej Miller, Dmitrij Efremenko. Sankt-Peterburg, Izdatel’stvo Evropejskogo universiteta, 2020a, s. 8–24.
- Miller, Aleksej. „Vtoraâ mirovââ vojna v «vojnah památi»”. *Novoe prošloe*, 4, 2020b, s. 222–231.
- Moskwa, Dagnara. „The Great Patriotic War in Russian history textbooks”. *Sprawy Narodowościowe. Seria nowa*, 50, 2018, s. 1–11.
- Nora, Pierre. *Les lieux de mémoire. 1: La République*. Paris, Gallimard, 1984.
- Nora, Pierre et al. *Franciá-pamáť*. Per. Dina Hapaeva. Sankt-Peterburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999.
- Pääbo, Heiko. „War of memories: Explaining «memorials war» in Estonia”. *Baltic Security & Defence Review*, 10, 2008, s. 5–28.
- Park, Shelley. „Re-viewing the memory wars. Some feminist philosophical reflections”. *Fragment by fragment: Feminist perspectives on memory and child sexual abuse*. Ed. Margo Rivera. Charlottetown, Gynergy Books, 1999, s. 283–307.

- Phillips, Kendall R., G. Mitchell Reyes. „Surveying global memoryscapes: The shifting terrain of public memory studies”. *Global memoryscapes: Contesting remembrance in a transnational age*. Eds. Kendall R. Phillips, G. Mitchell Reyes. Tuscaloosa, AL, University of Alabama Press, 2011, s. 1–26.
- Polian, Pavel. *Istoriomor, ili Trepanaciā pamāti. Bitvy za pravdu o GULAGe, deportaciāh, vojne i Holokoste*. Moskva, AST, 2016.
- Primačenko, Āna. „Sovetskoe vs nacionalističeskoe: protivostoânie diskursov i praktik v postsovetskoy Ukraine”. *Studia Universitatis Moldaviae*, 10 (110), 2017, s. 267–278.
- Santino, Jack. „Performative commemoratives: Spontaneous shrines and the public memorialization of death”. *Spontaneous shrines and the public memorialization of death*. Ed. Jack Santino. New York, Palgrave Macmillan, 2006, s. 5–15.
- Sergejčik, Elena. „Flag ESSR v centre Tallinna i graffiti na meste narvskogo tanka: iskusstvo ili provokaciā?”. *Postimees*, 27.06.2023. Web. 05.10.24. <https://rus.postimees.ee/7821267/mnie-flag-essr-v-centre-tallinna-i-graffiti-na-meste-narvskogo-tanka-iskusstvo-ili-provokaciya>.
- Sherlock, Thomas. *Historical narratives in the Soviet Union and post-Soviet Russia. Destroying the settled past, creating an uncertain future*. New York, Palgrave Macmillan, 2007.
- Spurina, Maija. *Cracks in a narrative of the past: Three case studies of collective memory in post-Soviet Latvia*. PhD Thesis. 2017.
- Steiner, Linda, Barbie Zelizer. „Competing memories: Reading the past against the grain: The shape of memory studies”. *Critical Studies in Mass Communication*, 12 (2), 1995, s. 213–239.
- Stone, Don. „Memory wars in the «new Europe»”. *The Oxford handbook of postwar European history*. Ed. Don Stone. Oxford, Oxford University Press, 2012, s. 714–732.
- Šūpulis, Edmunds. „Baltic identities in quest between the competing memory discourses”. *Identities and identifications: Politicized uses of collective identities*, 2016. Web. 12.12.2024. <https://euroacademia.eu/presentation/baltic-identities-in-quest-between-the-competing-memory-discourses/>.
- Thien, Deborah. „After or beyond feeling? A consideration of affect and emotion in geography”. *Area*, 37 (4), 2005, s. 450–454.
- Thrift, Nigel. „Intensities of feeling: Towards a spatial politics of affect”. *Geografiska Annaler Series B*, 86, 2004, s. 57–78.
- Tichindeleanu, Ovidiu. „Decolonizing Eastern Europe: Beyond internal critique”. *Performing History, Idea arts + society, Catalogue and Supplement to the Romanian Pavilion of the Venice Biennial*. Eds. Bogdan Ghiu, Maria Rus Bojan. 2011. Web. 05.10.2024. https://monoskop.org/images/c/c9/Tichindeleanu_Ovidiu_2011_Decolonizing_Eastern_Europe_Beyond_Internal_Critique.pdf.
- Tichindeleanu, Ovidiu. „Towards a critical theory of postcommunism?”. *Radical Philosophy*, 159, 2010, s. 26–32.
- Tichindeleanu, Ovidiu. „Vampires in the living room. A view of what happened to Eastern Europe after 1989, and why real socialism still matters”. Ed. Corinne Kumar. *Asking we walk. The South as new political imaginary, Book Three: In the time of the fire*, Bangalore, Streelekha 2012, s. 331–346.
- Tlostanova, Madina. „Postkolonial’naâ teoriâ, dekolonial’nyj vybor i osvoboždenie èstezisa”. *Čelovek i kul’tura*, 1, 2012, s. 1–64.
- Troitskiy, Sergey. „In search of total order: Solidifying borders and a stable identity”. *Journal of Frontier Studies*, 6 (1), 2021a, s. 196–225.
- Troitskiy, Sergey. „Is parody dangerous?”. *The European Journal of Humour Research*, 9 (2), 2021b, s. 92–111. <https://doi.org/10.7592/EJHR2021.9.2.517>.

- Troitskiy, Sergey. „The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones”. *Rivista di Estetica*, 67, 2018, s. 165–180.
- Troitskiy, Sergey, Borys Begun, Ievgeniia Voloshchuk, Oleksandr Chertenko. „Strategies of studying zones of cultural exclusion”. *Modern Studies of Russian Society*. Eds. Vasiliy Beloly, Nadezhda Petrova. Helsinki, Unigrafia, 2014, s. 79–94.
- Troitskiy, Sergey, Zhanna Nikolaeva, Aleksey Tsarev. „Problems of identity in the zones of cultural alienation of the urban environment”. *Studia Culturae*, 3 (37), 2018, s. 92–111.
- Vahštajn, Viktor. *Voobražaā gorod. Vvedenie v teoriū konceptualizacii*. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022.
- Werlen, Benno. *Society, action and space*. London, Routledge, 1993.
- Zelče, Vita. „Atmiņas tekstūra. Otrā pasaules kara pieminekļi Baltija svalstīs” / „The texture of memory. World War II monuments in the Baltic states”. *Social Memory of Latvia and Identity Working Papers. Vol. 1*. Rīga, ASPRI, 2010.
- Zelče, Vita. „History – responsibility – memory: Latvia’s case”. *Latvia. Human development report. Accountability and responsibility. 2008/2009*. Eds. Juris Rozenvalds, Ivars Ijabs. Rīga, ASPRI, 2009, s. 44–57.

